

их произведениям, выступает по радио с очерками о них, хлопочет об издании их литературного наследства, организации юбилеев...

У Василия Михайловича хорошая память. К тому же он – владелец богатейшего архива, где хранятся документы, кажется, обо всех важнейших событиях за полвека общественно-политической и литературной жизни нашей страны. Этот архив заключен в огромном сундуке, о котором хозяин писал мне так: «...Сейчас получил письмо от Людмилы Михайловны (Остертаг). Она пишет, что ты в музей и ей отвалил сразу два экземпляра «Крестьян». Покачал я головой по поводу твоей расточительности, порылся в письмах. Я их держу в окованном сундуке. Раньше в этом сундуке тесть мой хранил деньги. О размере сундука можешь судить по такому факту. Когда умер мой тесть, то из сундука было извлечено два центнера медяков и сто кило никелевой мелочи. У меня же денег кот наплакал. Вот вместо денег и храню письма... Порывшись в сундуке, нашел твои письма. Не в одном, а в двух ты клялся, что как выйдут из печати «Крестьяне», так обязательно пришьешь их... Поживем, увидим...»

Василий Михайлович любит веселую шутку. На просьбу одного своего корреспондента сообщить ему имя и отчество ответил: «А кличка моя – Василий Михайлович». О своем здоровье пишет: «Здоровье мое бычье». Подпись под письмом: «Твой до крематория. У нас могилы все заняты, мне не остается места. Буду ждать, когда в Чебоксарах построят крематорий, тогда и умру».

Подходя к своему семидесятилетию, Василий Михайлович по-прежнему остается добрым, обаятельным чудачком, одним из тех немногих, без которых, по мысли А.М. Горького, скучно жить на свете...

ДЯДЯ ВАНЯ

В 1920 году, как только в городе Барнауле и его округе установилась Советская власть, при губернском отделе народного образования были организованы отделы: литературный (ЛИТО), театральный (ТЕО) и изобразительных искусств (ИЗО).

Работников литературы и искусства, как и все население нашей страны, в то время охватила небывалая творческая горячка. Всюду было холодно, голодно, неуютно, грязновато. Люди были одеты и одеты и обуты плохо, но горели на работе. Они чувствовали себя вырвавшимися из вековой тьмы на белый свет и от счастья забывали о всех и всяческих лишениях и неудобствах жизни.

Члены барнаульского литературного объединения аккуратно по четвергам собирались в одной из комнат губоно, читали свои

новые произведения, обсуждали их и жарко спорили «до петухов».

Завсегдатаями этих собраний были И.Г. Зобачев, Г.М. Пушкарев, А.С. Пиотровский, Степан Исаков, Лидия Лесная, Сара Грансберг, К.П. Кравцов, а позже и А.И. Балин, А.А. Караваева и другие.

Едва население города проведало о существовании ЛИТО, желающих послушать чтение художественных произведений и литературные диспуты оказалось так много, что их не могла уже вмещать самая большая комната губоно. Пришлось очередные собрания литобъединения проводить в просторных залах школ, клубов и в театре. Нередко на литературные собрания приезжали любители художественного слова из отдаленных селений губернии.

Душой первого Барнаульского литературного объединения был Иван Григорьевич Зобачев – низенький, худенький, сильно близорукий человек в больших очках, придававших ему добродушный вид. Мягкая улыбка озаряла его приятное лицо, когда он вел с кем-либо разговор. А говорил он тихо-тихо, и казалось, что слова у него рождались не в горле, а на губах.

Все члены ЛИТО любили Ивана Григорьевича и заглазно по душевной потребности называли его «дядя Ваня». А когда он занял пост редактора губернской газеты «Красный Алтай», члены ЛИТО нашли у него отеческий приют. Многие из них впервые напечатались в этой газете при содействии Ивана Григорьевича. Я же со дня рождения «Красного Алтая» стал активным селькором этой газеты и потому десятки раз встречался с ее редактором.

В 1924 году в Барнауле начал выходить общественно-политический и литературно-художественный журнал «Алтайская деревня». Иван Григорьевич был назначен главным его редактором. Зная мои многочисленные корреспонденции, помещенные в «Красном Алтае», он «вдохновил» меня на первый рассказ для нового журнала. Рассказ этот под названием «Тяжелый путь» изображал борьбу агронома-передовика за перестройку сельского хозяйства на научных основах. Иван Григорьевич пустил мой первый «опус» в первом номере журнала.

Иван Григорьевич сам художественных произведений не писал, но все барнаульские беллетристы видели в нем человека, разбиравшегося в живописном слове, умного политического наставника и честного критика – друга. Он был тогда исключительно деликатен и, насколько помню, никому не сказал ни одного обидного слова. Даже авторы отклоненных им сочинений не огорчались, потому что отказ его был всегда веско и доброжелательно аргументирован.

От тех давних лет в памяти сохранился образ человека простого, искреннего, скромного, готового в любую минуту прийти людям на помощь. А главное – он любил литературу как-то по-особенному чисто и бескорыстно...

Покинув Сибирь более тридцати лет тому назад, я потерял следы Ивана Григорьевича Зобачева. Вспоминал, конечно, но о встрече не думал. Тридцать лет все-таки, за это время всякое могло случиться. Но в марте 1962 года я неожиданно-негаданно получил письмо, на конверте которого увидел: «И.Г. Зобачев». Я был радостно изумлен.

«Случайно от директора Новосибирской областной библиотеки тов. Самойлова, – писал Иван Григорьевич, – я узнал Ваш адрес и решил написать письмо. Ваша книга «Крестьяне о писателях» хранится в моей библиотеке и напоминает мне о давно минувших днях наших встреч в Барнауле и Новосибирске»...

Рассказав подробно о пережитом, он написал и о самом страшном: «...А год тому назад со мною случилось несчастье: в результате глаукомы и затем скотомы я потерял зрение. У меня осталось его 2%. Поэтому я сейчас не могу ни читать, ни писать. Это письмо пишет под мою диктовку моя жена. Досаждают также стенокардия. Хотя сейчас перевалило мне на 72-й год, но все же хотелось бы написать кое-что из истории революционного движения в Сибири».

Потеря зрения – трагедия. Мне было больно об этом услышать. Я немедленно ответил Ивану Григорьевичу обстоятельным письмом. И он снова отозвался:

«При помощи жены Екатерины Александровны в последнее время написал две статьи на историческую тему. Одна помещена в газете «Советский воин», другая – в газете «Советская Сибирь». Но, к сожалению, моя слепота чрезвычайно затрудняет мою литературную работу. Затруднена также и лекционная работа...»

Почти вовсе слепой, больной сердцем 72-летний человек упорно продолжает свою полезнейшую литературную работу и скорбит о том, что болезнь мешает ему досказать многое, никем еще не сказанное о революционном движении в Сибири.

Иван Григорьевич по-прежнему остался отзывчивым на всякое культурное начинание. В 27-й средней школе города Барнаула преподает энтузиастка, учительница-словесница Людмила Михайловна Остергаг. Она со своими питомцами организовала школьный литературный музей, экспонаты которого отображают историю литературы в Алтайском крае. В экспозиции музея уже представлены многие писатели, творчество которых связано с этим краем. Иван Григорьевич живо заинтересовался инициативой

Л.М. Остертаг и дал в музей многие сбереженные им документы и книги.

Второе рождение книги «Крестьяне о писателях» совершилось в Новосибирске в конце 1963 года. Комитет радиовещания и телевидения, издательство и отделение Союза писателей решили пригласить меня и моего ученика Степана Павловича Титова в Новосибирск для проведения встреч с литераторами, учителями, библиотекарями и читателями.

И вот 3 июля 1964 года ТУ-104 принес меня в столицу Западной Сибири. Туда же прибыл и Степан Павлович. И мы с ним «дуэтом» выступали на многочисленных собраниях, рассказывая о коммуне «Майское утро», о первом опыте крестьянской критики художественной литературы, о творческой истории «Крестьян» и о просланном космонавте-2.

На собраниях нас встречали восторженно, тепло, дружески, как самых желанных гостей.

По передачам радио и телевидения Иван Григорьевич знал, что я прибыл в Новосибирск. Он разыскал мой телефон, дозвонился и усиленно приглашал в гости. Но график моих выступлений был составлен жестко, и неожиданное приглашение Алтайского краевого комитета КПСС спутало все мои планы.

Только вернувшись из Барнаула, я ранним утром 22 июля на автобусе отправился в Заельцовский бор, где на даче отдыхал Иван Григорьевич. Здесь – настоящий рай! В вековечном бору стояла торжественная, думная тишина. Даже птиц не было слышно. На густой высокой траве и на цветах еще лежала роса. В воздухе разлит густой сосновый дух. Кое-где из дач выходили жильцы, направляясь на необозримый приобский пляж. А могучая река сверкала, как зеркало, чуть осиянное золотом солнечных лучей.

Узнав от свояченицы Ивана Григорьевича, что он еще спит, я не решился тревожить его так рано. Пошел побродить по бору, полюбоваться давно не виданными пейзажами Сибири. Часа через два я сел за круглый столик, стоявший недалеко от жилья Ивана Григорьевича, и стал посматривать на дверь, из которой он должен был появиться. И вскоре я увидел его. В пожелтевшей соломенной шляпе, в темных очках, с палочкой в одной руке, а с мыльницей в другой и с полотенцем через плечо он проворно спустился с крылечка дачи и по знакомой стежке меж кустов пошел в общий умывальный сарайчик.

Когда он вернулся и привел себя в полный порядок, его свояченица Агнюша позвала меня:

– Товарищ Топоров, пожалуйста!

Я вошел в комнату.

– Ну вот и разыскал я вас, дорогой Иван Григорьевич, в дремучем лесу...

– А-а-а! – воскликнул Иван Григорьевич. – Адриан Митрофанович! А я искал вас и в гостинице, и в телецентре, и в издательстве. Куда, думаю, человек исчез?! Обещал быть у меня и пропал! Ну, спасибо, спасибо, что не забыли... Агнюша, Агнюша! Давай завтрак. Корми гостя с далекого юга!

И пошли у нас воспоминания о былом. Лицо Ивана Григорьевича светилось прежней неугасающей улыбкой, но безжизненные глаза не двигались. Я это видел сквозь его темные очки. Как жестоко обидела судьба этого милейшего человека!

Мягкие, что пух, белые волосы его были уже столь редки, что за ними ясно просвечивала розовая кожа. А тонкие, гибкие пальцы рук были подвижны и ловко действовали ложкой, вилкой, ножом; безошибочно нащупывали хлеб, чашку, тарелку и даже лекарство закапывали в глаза. Как у всех слепых, у него уже крайне обострилось осязание.

Как ни больно это было, я все же спросил:

– Как же теперь с глазами?

– А никак! Был я у новосибирских и московских знаменитостей-окулистов... Безнадежно... Говорят: нервы отработали... мертвецы они. Солнце, воздух и вода – вот, говорят, ваше лечение.

Слова Ивана Григорьевича ножом резали мое сердце, а он говорил о своей трагедии спокойно, как будто о какой-то житейской мелочи.

Он поразил меня своим житейским оптимизмом, в котором не почувствовалось ни одной фальшивой ноты.

– Память у меня цепкая. В ней ясно стоят длинные ряды революционных и литературных событий. И обо всем этом я хочу написать. Я не сдамся, одолею свою беду. Вот приобщаюсь к местной и мировой общественной жизни через радио. А скоро овладею и другими средствами для этого: пишушей машинкой и азбукой Брайля. Буду печатать свои статьи сам, буду снова читателем! Не хочу жить на положении паразитирующего дачника...

В комнату вошла вернувшаяся откуда-то жена Ивана Григорьевича, Екатерина Александровна. Мы познакомились. Эта добрая, славная женщина преданно ухаживала за мужем, зорко охраняя его здоровье.

– Катюша, который час? – спросил Иван Григорьевич.

– Скоро последние известия.

– Ага... А ну-ка, пойдете-ка в лесок. Сядем за столик и послушаем новости дня...

Не забыли мы с Иваном Григорьевичем и 1919 год, когда в Барнауле издавался журнал «Сибирский рассвет», ставший собирателем литературных сил Алтая.

– Я тогда был членом правления культурно-просветительного союза, – вспоминал Иван Григорьевич. – Кипел в котле литературных и издательских дел. В «Сибирском рассвете» печатались Новиков-Прибой, Тупиков (Павел Низовой), Исаков, Новоселов, Жиялков, Лидия Лесная и многие другие. Об этих авторах я-то, пожалуй, больше, чем кто-либо знаю.

– Так вот и напишите о них, Иван Григорьевич.

– Эх, много бы я мог написать. Да не хочется мучить Екатерину Александровну... Хотел взять в секретари какого-нибудь студента, но трудно найти энтузиаста, который заинтересовался бы моими замыслами. А замыслов – уйма! Попытался писать сам, но получилась одна досада. Вот смотрите.

Иван Григорьевич взял с подоконника доску, похожую на бухгалтерские счета с металлическими прутиками, по которым он направлял карандаш, чтобы выходила прямая строчка. Написал для примера несколько кривых слов.

– Доску эту сделал мне один приятель. Писать по ней можно, но дело идет ужасно медленно.

...Солнце уже село. По бору полезла сырая прохлада. Приспел час прощания. Иван Григорьевич надел белый китель и пошел провожать меня до автобуса. Я под руку вел его, а он говорил и говорил без умолку.

– Нет, нам надо год жить вместе, чтобы переговорить все.

К остановке подошел автобус. Рукопожатия, объятия, поцелуи... Из окна автобуса я видел, как Иван Григорьевич, поддерживаемый Екатериной Александровной, долго махал мне рукой...

Дружба и общение с такими людьми, как Иван Григорьевич, воодушевляет на преодоление всяческих трудностей. Их мужество вызывает к совести. И самому хочется жить и трудиться, не щадя сил.